

ВСТРЕЧА

Зоя БОГУСЛАВСКАЯ

У «ТРЕХ ТОПОЛЕЙ»

СМОТРЮ «Три тополя» на Плющихе» Т. Лиозновой (сценарий А. Борщаговского, производство Киностудии имени Горького).

Сначала, еще до титров, березы. Березы, и сквозь них — просвечивающий профиль женщины с глазами, напряженными от ожидания. Мелькают березы, мелькает фигура женщины, уходящей в любовь и счастливое замужество. Это героиня фильма «Три тополя» на Плющихе. Нюра — Татьяна Доронина — видит себя во сне такой, какой она была десять с лишним лет назад. Мы следим за тем, как она просыпается уже дома, мать двух детей, жена, по полгода не видящая своего мужа-бакенщика. Потом ее провожают в город, грубо одергивая, когда она хлопчет и радуется по пустякам, и уже, тряско ежась на телеге, задремав, она снова видит себя молодой, с блеском губ и оживленным лицом, благодарно обращенным к жениху, деревьям и весне, летящей мимо глаз. Ликующие, смеющиеся лица Нюры и ее Гриши (артист В. Шалевич). Строгие, осуждающие глаза свекрови. Дорога, и вдоль дороги снова березы, березы...

Сколько их было на экране, начиная с калатозовских «Журавлей».

Но, к счастью, «Три тополя» на Плющихе» существуют в своем простом, непосредственном измерении, помимо многозначительной орнаментики снов и причудливых видовых ракурсов, явно не идущих режиссерской индивидуальности Т. Лиозновой и глубоко психологическому настрою сценария А. Борщаговского. В интимной истории нескольких людей, рассказанной авторами с душевной силой и запасом, все происходит вопреки ожиданиям.

У золовки, которую предостояло Нюре припугнуть по приказу мужа, вовсе не блажь и распушенность, а «невмная» любовь, ее «носят на руках». А худой, нескладный водитель такси вовсе не стремится поживиться за счет простодушной провинциалки. Он возит Нюру по Москве и глядит участливо и удивленно. И не она, а он оказывается доверчивым простаком, ожидающим от нее помощи, а вот она — обманщицей, отнявшей у него доверие. Все не так, как прочли Нюре, и вместе с разрушением привычных и ясных представлений о жизни куда-то уходит вера ее в незыблемую единственность выбранной доли.

ВЕСЕННЕЕ ИНТЕРВЬЮ
С АКТРИСОЙ

Татьяна Доронина сыграла главную роль в фильме «Три тополя» на Плющихе». Вспоминая ее работы на экране и на сцене, видишь людей своеобразных, сильных, всегда — своему цельных.

— Случайно ли это? — спросил у актрисы корреспондент «Литературной газеты».

— Пожалуй, нет. В мире много боли и горестей. Об этом забывать нельзя. Но нельзя забывать и о том великом и прекрасном, что олицетворяется самим понятием Человека. Вот почему я всегда пытаюсь идти и раскрытию характера не через отрицание, а через утверждение.

— Это ваша творческая позиция?

— Да. Хочется ведь не просто сняться или выйти на сцену, отыграть, выслушать аплодисменты и т. д... Актриса должна быть присуща живая, точная, реальная уверенность в том, что его искусство помогает людям стать лучше.

Нужен конкретный пример? Пожалуйста. Чем я объясняю успех Смоктуновского в инсценировке «Идиота»? Талантом? Конечно, но не только. Режиссерской работой Г. Товстоногова? Да, но и это еще не все. Всей своей игрой Смоктуновский утверждает необходимость ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО добра. Подобное утверждение не могло не найти отклика в сердцах зрителей.

— Нынешняя весна удачна для вас?

— Как будто, хотя я почти год не выступала на сцене и очень стеснялась по театру...

— Итак, снова театр...

— Снова. А лучше бы сказать, что всегда, — театр от сердца не отнимешь. В Московском Художественном театре идут репетиции новой пьесы Э. Радзинского «Чуть-чуть о женщине». Роль у меня интересная: Ирина — молодой ученый, занимающийся проблемами морского дна, человек исключительной яркости и своеобразия. Ставит спектакль Л. Хейфец. И. Раевский возобновляет «Трех сестер» Чехова. Буду играть Машу.

— Как могли бы вы сформулировать «сверхзадачи» этих своих образов?

— Сверхзадача «Трех сестер» вечна — стремление человека к лучшей жизни. Что же касается спектакля «Чуть-чуть о женщине», то там есть фраза: «О, пусть мы, наконец, станем большими!» «Быть большими!» — это стало для меня основой в решении характера героини.

— Последний вопрос. Как хотелось бы вам провести Первомай?

— Пусть и в праздники будут репетиции. Ужасно соскучилась по театру...

Новый способ жизненного отсчета, натолкнувший Нюру на мысль о том, что могло бы с нею быть и чего уже не будет с нею никогда, возникающий из кинорассказа, составляет его главную ценность и открытие.

Поначалу чуть откровенно заданная Нюра Дорониной все более властно привлекает внимание. Подчас кажется, что грань, отделяющая наивно-ограниченную

дурочку от женщины, уверенно знающей, как жить и не дать себя провести, стирается в ее исполнении, но актриса поверх всего этого несет еще тему человеческого или женского таланта, таланта одаривать счастье. Ее Нюра радуется ветке дерева, задевшей колени, собаке, мелькнувшей в соседнем такси, улыбке водителя и стружке дождя, бегущей по стеклу его машины. Она что-то расска-

зывает таксисту, захлебываясь словами, затем умоляет, а в лице ее все еще переливается волнение. И вот уже расчет крестьянки, деловитость и хозяйственная бережливость оказываются всего лишь оболочкой. Сквозь нее проступает свет высокой нравственной силы человека, отдающего и не требующего взамен, дарующего, не спрашивая, для чего.

Эта нравственная сила на мгновение московской встречи и соединила судьбы Нюры и таксиста.

Вместе с появлением безымянного таксиста — Олега Ефремова — в фильме еще отчетливее начинает звучать тема иного человеческого существования, независимого от внешнего благополучия и прочной устойчивости бюджета, от обеспеченного будущего и формальной анкетной заполненности в графе: дом, семья, дети. Эта тема, как бы попутно заданная в фильме, становится ее итоговой мыслью и ощущением.

— Не того ты в жизни боишься, — говорит водитель Нюре, зачарованно-оторопело глядящей на счетчик (Мол, едешь целый день, а он знай щелкает — легкая работа). — Ты бойся скудную жизнь прожить, вот чего ты боишься... Спохватись, однажды, а жизни не было.

Мы видим, как таксист трогает грубые пальцы Нюры, сжимающей в кулаке деньги, как он включает счетчик с полным безразличием к обржавшейся сумме и как прохаживается под окнами дома у «Трех тополей» в бесплодном ожидании.

...И вдруг все перевернулось. Происшедшее с Нюрой в Москве оказывается новой, высшей мерой реальности. Уже не сны контрастируют с будничной достоверностью. Будничности, ненужности снов противопоставлена реальность чувств и бескорыстие побуждений.

Благодаря своей главной мысли фильм «Три тополя» на Плющихе» вступает в общий разговор, который все настойчивее ведется в искусстве, о необходимости завоевания все новых духовных и этических ценностей. И пусть художник приносит на экран несхожие переживания и миры, пусть ищет пути проникновения в духовный мир современного человека, сохраняя верность высоким идеям времени.